Не успела я оглянуться, как ударная, тупая боль волной пронеслась от плеча к самому мозгу. Следом меня пинком сбили с ног, и я рухнула на колени, даже не успев повернуться или спросить Дуань Ижань, зачем она звала меня.

Со всех сторон донеслись крики, казалось, окружающая толпа в мгновение ока отхлынула от меня.

Нож со следами алой крови с глухим стуком упал позади меня, и кто-то истерично завопил: Да я же никому не нужна! Они лесбиянки!

Вдруг этого крикуна сбили с ног ударом ноги, отчего его очки разлетелись на осколки, а несколько школьных охранников прижали его к земле длинными швабрами, лишив возможности шевельнуться.

Я во все глаза смотрела на ручеек крови, который тянулся от моей спины прямо к моим коленям, и внезапно расплакалась. Сначала упала одна слезинка, затерявшись в кровавой лужице и пропав из виду, потом вторая, третья…

Я подняла руку, пытаясь нащупать, на месте ли мое плечо, но оно совершенно онемело. В этот момент какая-то фигура бросилась ко мне и, поскользнувшись от спешки, упала передо мной на колени. Она схватила мою поднятую руку и прижала к своим горящим, дрожащим губам.

В тот раз я впервые узнала человека в лицо — уже не полагаясь на голос, на логику, не вычисляя и не гадая, а решительно и прямо:

— Дуань Ижань…

Хозяйка этого имени тут же крепко обняла меня, и ее слезы капля за каплей просачивались сквозь мои волосы мне за воротник.

— Подбери мне руку, пожалуйста…

Лампы операционной над головой вырисовывали круги, то приближаясь, то удаляясь, словно зрачки человека, и казалось, вот-вот рухнут на меня.

Действие общего наркоза быстро усиливалось, я медленно закрыла глаза и в тот самый миг толкнула тяжелую створку распахнувшейся двери и шагнула внутрь.

Наступил Новый год, но я все равно осталась в городе Т.

Оплетенная трубками со всех сторон, я от боли не могла даже заплакать. Впрочем, плакать мне особо и не хотелось — скорее, было как-то растерянно от мысли, подходит ли моя жизнь к

концу: в конце концов, в реанимации просто так не лежат.

Я увидела Чэн Шанъи. За толстым стеклом окна она стояла вполоборота к мому отцу и о чем-то с ним спорила. Вздувшиеся вены на ее шее и слезы испугали меня: кажется, сколько я себя помнила, она никогда так не плакала — даже в тот день, когда родители развелись.

О чем именно они спорили, я узнала позже. Причиной стало то, что Чэн Шанъи упрямо добивалась для этого человека смертной казни.

Закрыв глаза во второй раз, я услышала, как отчетливо прозвучало тогда, в ту секунду, мое имя, произнесенное тем человеком. Оно все еще звучало у меня в ушах, смешиваясь с визгом автомобильных сирен и шагами людей, волочащих чемоданы. Она крикнула мне:

— Чэн Шанэнь!

Я вдруг заплакала. Разве мы не договаривались не плакать? Просто если этот человек не приходит, сердце начинает болеть.

Примерно в начале весны меня перевели из реанимации в обычную палату. Полулежа на больничной койке, я вместе с пациентами из соседних палат смотрела повтор новогоднего концерта. Я смеялась громче всех, несколько раз едва не скатившись с кровати, но боковым зрением заметила, как Чэн Шанъи всё с тем же упрямством продолжает очищать яблоко, которое уже наполовину окислилось и стало коричневым.

Внезапно она швырнула яблоко на стол, вонзила зажатый в левой руке нож прямо в него и раздраженно выругалась.

Сколько она жила на свете, никогда раньше не занималась такой кропотливой работой, ей и впрямь было тяжеловато, поэтому я попыталась ее утешить:

— Забрось это дело, я не особенно-то и хочу есть.

В этот момент у Чэн Шанъи в кармане зазвонил телефон. Она встала, отвечая на звонок на ходу, и вышла. Я расслышала лишь часть ее разговора:

— Вы всё еще в суде? Результат первого заседания до сих пор не огласили? А вы сами-то ели? Перестаньте питатьсябылочьем, вы меня слышите?..

Я перестала улыбаться. Лица и голоса комиков на экране становились всё более расплывчатыми.

Больше не в силах терпеть, я схватила телефон. Прошло ровно три месяца, а от этого человека

не было ни единого звонка! Неужели ей трудно выделить хотя бы один звонок для меня?

Чуть разозлившись, я набрала номер. Каждая цифра заставляла меня сомневаться, но когда палец лег на последнюю, я отшвырнула телефон подальше. Подобное повторялось каждый день, но я никогда не доводила дело до конца.

Чэн Шанъи вернулась, села на табурет рядом со мной, снова взяла яблоко и с прежним упрямством принялась его чистить.

Не успела я вытереть слёзы, как заговорила сама:

— Пожизненное заключение — это тоже очень сурово. Не обязательно добиваться его смерти, хватит с него и этого, не стоит так изнурять отца…

— Заткнись!

Внелинейный срыв Чэн Шанъи застал меня врасплох, но стоило мне заглянуть в ее затуманенные слезами глаза, как сердце пронзила острая боль.

— Пожизненное? Эта тварь изуродовала тебя вот так, а теперь хочет отсидеть в тюрьме двадцатку и выйти? То, что мы не разорвали его на куски, — еще его счастливый билет!

Я почему-то ухватилась совсем за другую деталь и бесстрастно спросила:

— А что со мной… не так?

На последнем слове голос мой дрогнул, выдав затаившуюся горечь.

Рассвирепевшая Чэн Шанъи вдруг умолкла. Она ошеломленно уставилась на меня, но мне казалось, что она смотрит вовсе не на меня, а на ту часть моего тела, которой больше не существовало — на эту зияющую пустоту. И тогда я повторила вопрос:

— Говори же. Что со мной не так? Давай, говори! Ты ведь так любишь принижать меня, язвить мне? Что же теперь молчишь? Говори же!

Я швырнула в нее подушку. Прическа, которой она всегда уделяла столько внимания и ради которой даже заявляла, что голова может отлететь и кровь пролиться, а прическа должна оставаться безупречной, сейчас растрепалась.

Моя чувствительность порой граничила с нервозностью и казалась совершенно нелепой. Если бы не прежняя я, то от подобных переживаний уже сотню раз бы умерла.

Однако Чэн Шанъи не произнесла ни слова. Она наклонилась, подняла с пола подушку, положила ее рядом со мной, а затем снова села и, опустив голову, продолжила чистить яблоко.

И именно из-за такого ее поведения я становилась еще более уязвимой.

http://bllate.org/book/41421/5281621